

11592

Города империи

В ГОДЫ
Великой войны
и революции

УДК 94
ББК 3(0)53
Г501

Книга напечатана при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве

Г501 Города империи в годы Великой войны и революции : Сборник статей / Ред. А. Миллер, Д. Черный. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 520 с.

ISBN 978-5-4469-1090-8

Авторы из 10 стран рассматривают политическую и социальную трансформацию городов Российской империи в годы Первой мировой войны и революции. Это первая книга, целиком посвященная данной проблематике. Представляет интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется эпохой Великой войны и революции.

Authors from 10 countries analyze political and social transformations of the cities and towns of the Russian Empire during the World War I and Revolution. It is the first book, fully devoted to this issue. The book is addressed not only to specialists, but to general public, interested in history of the Great War and Revolution.

**УДК 94
ББК 3(0)53**

ISBN 978-5-4469-1090-8

9 785446 910908

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

<i>Алексей Миллер</i>	
Введение. Города империи в эпоху войн и революций	5
<i>Энн О'Доннелл</i>	
Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920	19
<i>Ян Кузбер</i>	
Петроград в годы войны и революции, 1914–1924	52
<i>Игорь Нарский</i>	
«Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22)	79
<i>Карстен Брюггеманн</i>	
Города имперских и национальных утопий: транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924	100
<i>Гжегож П. Бомбьяк</i>	
Варшава в годы Большой войны	140
<i>Теодор Р. Викс</i>	
Вильнюс между империей и национальным государством в 1914–1922 гг.	173
<i>Андрей Чернякевич</i>	
Гродно: город без Отчизны	209
<i>Александр Быстрик</i>	
Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)	238
<i>Олена Бетлий</i>	
Киев — город проблемных идентичностей	272

Дмитрий Черный

Харьков в годы Первой мировой войны и революции 318

Игорь Шкляев

Одесса в 1914–1921 гг.: город в экстремальных условиях
войны и революции 349

Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк

Город Кишинев: от западной окраины Российской империи
к восточной окраине Великой Румынии 370

Владимир (Лад) Вардосанидзе

Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии
«двуликого Януса» 410

КОММЕНТАРИИ*Питер Гэтрелл*

Война и город 474

Джошуа А. Санборн

Реквием по империи 482

Леонид Бородин

Реальная зарплата и снабжение населения городов России
в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? 491

Борис Колоницкий

Города империи и горожане в эпоху войн и революций:
перспективы сравнительных исследований 509

Энн О’Доннелл

Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920

«Война с Германией, — писал Николай Астров, городской голова Москвы во время бурного периода 1917 г., — смела сложную сеть экономического и хозяйственного поведения, которая после многих лет мирных, соседских отношений стала нормальным состоянием повседневной жизни»¹. Экономический кризис военного времени расшатал не только фасады институтов и принятых политических курсов, но и фундамент имперской социальной жизни, особенно в городах. Помимо роста цен и исчезновения товаров, под давлением экономических трудностей империи распался богатый, разносторонний набор хозяйственных практик, каркас для «нормального состояния повседневной жизни», как ее понимали имперские субъекты. По сравнению с политическими последствиями экономического коллапса империи в военные годы мы знаем относительно мало о видах «экономического и хозяйственного поведения» (коммуникабельности, ключевой для повседневных практик), которые пришли на смену формам, характерным для мирного времени. Экономической и хозяйственной жизни обычно отводится роль спускового

© Энн О’Доннелл, 2017

Энн О’Доннелл — профессор-ассистент Университета Нью-Йорка.

крючка в революционных процессах, стимула для действия, которое разворачивается в другом, внешнем измерении². Такая некорректная постановка вопроса исключает ее из революционного процесса. Послужив толчком для социального переворота или политических выступлений, хозяйственная жизнь быстро отходит на задний план для того, чтобы снова возникнуть позже в качестве более или менее нейтрального поля для внедрения революционных политических подходов и революционной вовлеченности³. Однако Астров указывает нам, что с точки зрения как «хозяйственного поведения», так и «соседских отношений» опыт Первой мировой войны был сам по себе в какой-то мере революцией⁴. Настоящая статья ставит целью проследить, как эти новые принципы «экономического и хозяйственного поведения», которые появились во время войны, а также вызванные ими ожидания и задачи управления структурировали революционный процесс и сформировавшиеся в итоге учреждения. В рассказанной здесь истории город Москва предстает как субъект политических преобразований, а не просто как полотно для таких изменений и объект для переделки в соответствии с политическими принципами нового режима.

В этом отношении влияние Москвы имело двойной характер. В качестве города, в котором большевики намеревались заявить свои права на власть после побега из Петрограда в марте 1918-го, Москва и ее хозяйственная экосистема — ее полуразрушенный жилищный фонд, имеющиеся в избытке торговые помещения, переполненные транспортные узлы, процветающие черные рынки — сформировали «клумбу», на которой «выросли» многие ключевые институты режима и его практики городского управления. Однако то, что формировалось в Москве, быстро приобрело значение далеко за ее пределами. Практические нужды распространения власти большевиков в сочетании с их верой в науку социализма и, как следствие, в возможность воспроизвести московские достижения в других частях Советской республики придали Москве статус образцового города, наиболее советского из всех советских городов. Москва заняла эту позицию почти сразу же после того, как большевики объявили ее своей столицей, несомненно задолго до того, как появилась возможность кардинально перестроить город. Понадобится десятилетие и даже более до внедрения масштабных проектов, которые превратят Москву из разросшейся деревни в социалистический метрополис. Однако уже в 1920 г. Народный комиссариат просвещения создал отдел, занимающийся координацией

многочисленных конгрессов и конференций, проходящих в Москве, размещением приезжих и организацией экскурсий по городу⁵. К началу 1920-х восприятие Москвы как некоего олицетворения нового режима распространилось даже за пределы Советской России, в том числе среди врагов большевиков. «Москва, — писал в 1922 г. В. В. Руднев в эмиграции, — приобретает облик типичного „советского“ города. „Красная“ Москва — это предельное воплощение советского режима»⁶.

На протяжении Первой мировой войны, по мере того как цепочки поставок распадались и изменялись самые базовые ожидания в отношении правил, определяющих снабжение, проблемы хозяйственной жизни приобрели безотлагательный характер. Эти хозяйственные изменения были вызовом для перегруженного, неэффективного имперского государства. Они также перекроили базовые черты городской социальной жизни. Первая часть этой статьи демонстрирует, как в результате экономического кризиса военных лет взаимоотношения и практики, настолько рутинные, что в иной ситуации они были бы почти незаметными, оказались неожиданно в центре внимания, открытыми для пересмотра. После этого рассматривается, как во время революций 1917 г. все менее знакомая, менее устойчивая и, как следствие, все более склонная к конфликтам хозяйственная жизнь Москвы дала начало новым институтам местного управления, домовым организациям, которые в конечном итоге стали ключевыми узлами распространения власти большевиков в городе. В последней части статья прослеживает, как в условиях двойного давления большевистской идеологии и борьбы за превращение города в новую столицу Советской республики проект перераспределения самого желанного хозяйственного актива Москвы, застроенных площадей, нуждался в участии общества и зависел от него, создавая для режима особую форму административного потенциала государства (*state saracity*) посредством размывания границ между официальным и неофициальным, публичным и частным.

Москва во время войны

Суровые условия тотальной войны внесли полный беспорядок в принятые практики экономической жизни в Российской империи. В августе 1914 г. российское Министерство финансов отказалось от с трудом введенного золотого стандарта империи, который создавался

по образцу британской системы и был принят двумя десятилетиями ранее⁷. Ожидая непродолжительный конфликт (как отмечал М. В. Бернацкий, «бюджет 1915 г. был составлен исходя из убеждения, что во втором полугодии экономика будет находиться в мирных условиях»), царский режим намеревался финансировать военную кампанию посредством иностранных займов и печатного станка⁸. Однако по мере того как война затягивалась и займы от союзников иссякали, режим был вынужден все чаще опираться на денежные эмиссии. Курс рубля стремительно падал как раз в то время, когда экономически прибыльные западные территории оказались под вражеской оккупацией, большая часть рабочей силы была мобилизована в армию и налоговые поступления от внешней торговли уменьшились⁹. Известное имперское распоряжение, приостанавливающее официальную продажу алкоголя, подорвало один из основных источников государственного дохода именно тогда, когда военные расходы, содержащиеся в секрете и рассматриваемые отдельно от обычных затрат в «чрезвычайном» необнародованном бюджете, разрастались¹⁰.

Мобилизация денег и ресурсов, достаточных для борьбы с немцами, также привела к глубокому проникновению имперского государства в области, которые ранее оставались сферой деятельности коммерческих рынков¹¹. Хотя все воюющие стороны внедрились инновации в сфере экономического управления, только в России бюрократы и эксперты столь активно отстаивали такого рода меры в качестве ответа на трудноразрешимые задачи развития, возникшие еще до войны¹². Отвращение к «посредникам» и «спекулянтам» было настолько сильно, что руководители Министерства земледелия, перед которыми стояла задача по управлению зерновыми запасами во время войны, решительно направляли свои усилия на «обход частных торговых структур» вместо их включения в государственные сети. Таким образом ограничивалась роль внешнего капитала, но у государства появлялась необходимость создания своих органов, занимающихся обменом товаров, которые вступали в конкуренцию с уже существующими частными институтами¹³. Хорошо известная неэффективность имперской бюрократии также создавала препятствия для государственных усилий по снабжению продовольствием. Борьба за ресурсы между гражданскими и военными властями повышала цены на зерно, так как чиновники, отправленные в одни и те же богатые хлеботородные регионы, набавляли цену за счет государства. Военные руководители,

получившие широкие административные полномочия в прифронтовых территориях, конфисковывали железнодорожные составы с зерном, приобретенным властями тыловых городов¹⁴.

Возникновение многочисленных полугосударственных организаций стало ответом на недочеты режима в управлении снабжением. Эти организации, самые известные из которых, Союз городов и Военно-промышленный комитет, зародились в Москве, были тем не менее проникнуты государственным этосом, несмотря на жесткую, критическую оценку имперского государства. Предложения, сформулированные на большой конференции по проблемам снабжения, организованной Союзом городов в Москве в июле 1915 г., сосредоточились на совершенствовании официального контроля над ценами, железными дорогами и распределением при помощи руководимой государством «единой системы регистрации запасов продовольствия и топлива, а также их географического распределения»¹⁵. Однако по мере того как разочарование в имперском режиме росло в результате принятия царем на себя верховного командования, общественные организации всё в большей степени направляли свою деятельность не на содействие государственным усилиям по осуществлению снабжения, а на их замещение¹⁶. Провал в сфере регулирования экономической жизни в масштабах всей империи был одним из основных направлений критики попыток правительства по организации снабжения. Хотя центральная власть издавала обязательные для исполнения приказы и распоряжения по управлению материальными ресурсами, их выполнение обычно находилось в руках региональных и муниципальных властей. В какой-то мере такой подход был неизбежен. В отсутствие значительных информационных ресурсов и практических методов для фиксации цен (проблема, которая была предметом широкого экспертного обсуждения даже в странах с такой развитой экономикой, как в Великобритании) у имперского правительства оставалось мало других вариантов, помимо передачи вопроса в ведение местных властей, которые могли возместить недостаток технических знаний пониманием местных условий¹⁷. Однако такие меры неизбежно еще более раскалывали империю как экономическое пространство.

Муниципальные власти были вынуждены брать на себя все большую роль в управлении местной экономической жизнью. Николай Астров позже писал, что города империи «особенно ощущали

высокий прожиточный минимум и несли тяжелое бремя, пытаясь его снизить», несмотря на то что это была «сфера, в которой у них не было опыта и никакого реального законного права». Большинство муниципалитетов, по словам Астрова, столкнулись с высокими ценами на основные продукты во время второго года войны. На третьем году «это относилось ко всем аспектам муниципальной жизни и руководства»¹⁸. В Москве первое вторжение городского руководства в сферу фиксирования цен относилось к продаже мяса и было осуществлено под покровительством градоначальства, которым в это время, в апреле 1915 г., руководил А. А. Адрианов. Адрианов был особенно осторожен в отношении этого подхода, который он охарактеризовал в письме министру внутренних дел Н. А. Маклакову как «в высшей степени рискованный, так как неверное определение максимальной цены может повести к тому, что подвоз скота прекратится, и столица (Москва) останется без мяса»¹⁹. В то время как, по словам Астрова, большинство городских руководителей устанавливали официальные цены в соответствии с «рыночными ценами товара на тот момент»²⁰, Адрианов «неоднократно созывал у себя совещания из представителей городского общественного управления и мясной биржи и лиц, близко стоящих к мясной торговле» с целью фиксирования московских оптовых цен на уровне 9 рублей за фунт²¹. Уполномоченные изначально регулировать только продажу мяса и хлеба, многие города быстро распространили сферу своего контроля также на топливо, свечи и чай²².

Проблема соблюдения правопорядка принимала угрожающие размеры для всех городов. Расплывчатая, неясная задача борьбы со «спекуляцией» была ее ключевым измерением. Сообщение Министерства внутренних дел по этому вопросу, посланное начальникам полиции и губернаторам в апреле 1915 г., относилось к «спекулянтам» тех, кто «искусственно» повышал «и без того высокие цены на эти продукты», подтверждая разграничение между приемлемым процессом балансировки спроса и предложения, с одной стороны, и недозволенной спекуляцией с другой²³. В тот же день Маклаков послал Адрианову специальное сообщение с донесениями об особенно вопиющей спекуляции в Москве и с рекомендациями по «высылке спекулянтов, независимо от занимаемого ими общественного положения»²⁴. Отвечая, Адрианов подтвердил создание многочисленных комиссий и издание указов на городском уровне, направленных

на борьбу как со спекуляцией, так и с усугублявшейся проблемой взяточничества среди должностных лиц²⁵. Для города, который исторически уже обладал одной из самых многочисленных полицейских служб (до войны в Москве один полицейский приходился на каждые 77 жителей, в то время как в Петербурге эта пропорция составляла 1 к 216, а в Берлине — 1 к 416), необходимость надзора над самими полицейскими добавляла дополнительный уровень к уже широкой городской сети контроля²⁶. Для того чтобы обеспечить соблюдение торговцами так называемых «ориентировочных цен», установленных городской управой и вывешенных на общественных торговых площадках на видном месте, Адрианов приказал полицейским проводить неожиданные проверки местных складов и железнодорожных станций, контролируя, например, в один день запасы овса, а в другой — качество скота. Адрианов заверял Маклакова, что он лично выбирал надежных работников, «вверенной мне полиции я поручил тщательно следить за исполнением моих распоряжений и о всяком замеченном нарушении немедленно мне доносить».

Тем не менее цены в Москве росли. Астров впоследствии подсчитал, что к июню 1916 г. цены на рис выросли до 243 % по отношению к уровню 1914 г., на уголь и дрова — до 224 %, ржаную муку — до 195 %, а на сахар — до 153 %²⁷. В то же время Москва испытала резкий скачок численности населения, только в первый год войны приняв 400 000 новых жителей и впервые достигнув отметки в 2 млн чел. вскоре после Февральской революции²⁸. Некоторые из новоприбывших пришли на место рабочих, призванных в армию. Большинство же составили беженцы с оккупированных территорий и раненые солдаты. Во время войны Москве, как основному транзитному узлу в империи, пришлось разместить беспрецедентное число приезжих. Военные учреждения организовали свои самые большие больницы в Москве, в общем располагая 24 344 больничными койками по всему городу. Удивительно, но количество коек, которыми заведовал сам город, было почти в два раза больше — 57 175. Еще 15 888 коек содержались ресурсами различных институтов и организаций муниципального уровня. В сумме к сентябрю 1916 г. Москва предоставляла приблизительно 118 000 больничных коек для раненых — в два с лишним раза больше по сравнению с двумя ближайшими конкурентами, Киевской областью и Петроградом²⁹. Многие из сотен тысяч эвакуированных, которые прибыли в город, остались

там до конца войны. Ежедневная газета «Утро России» сообщала, что на фронте организации для беженцев обычно раздавали железнодорожные билеты до Москвы вне зависимости от того, куда эвакуируемые хотели отправиться, возлагая на город ответственность за их снабжение или же приобретение для них билетов с целью дальнейшего проезда. Всего за две недели в июле 1915 г., в разгар боевых действий, более чем 1500 беженцев прибыло на железнодорожные станции Москвы, которые бессистемно организовали «пункты кормления» и вывесили на платформах адреса агентств по оказанию помощи. Большой театр, Купеческий клуб и богатая семья Морозовых были среди тех, кто организовал общежития и детские сады в частных зданиях. Этим летом некоторые из наиболее модных московских ресторанов на какое-то время превратились в приюты и госпитали, так же как и многие городские школы, значительно отсрочив этим начало учебного года 1915/16³⁰.

Летом 1915 г. в местных газетах появились сообщения о распространении спекуляции на новый товар — городскую недвижимость. Население Москвы существенно выросло именно тогда, когда и так не самый обильный жилой фонд был частично использован под больничные койки и приюты. Так как цены на топливо обычно были зафиксированы в договорах об аренде, московские домовладельцы были вынуждены закупать топливо по ценам, которые значительно превышали получаемую арендную плату. Огромные повышения арендной платы и выселения за неуплату стали привычным делом, что привело к массовому недовольству по отношению к домовладельцам и очернению «союзов», которые они сформировали для проведения жестких переговоров со съемщиками. В 1916 г. ситуация настолько обострилась, что городскому руководству пришлось вмешаться, запретив до конца войны рост арендной платы и выселение во всех за исключением небольшого количества случаев. В ответ на этот шаг многие домовладельцы просто прекратили выполнять свои контрактные обязательства по отоплению и обслуживанию своих зданий, которые быстро пришли в ветхое состояние³¹. У города был очень короткий опыт по управлению муниципальными предприятиями (Москва запустила первые такие проекты — по строительству канализации и линий электрического трамвая — только в начале века), но у городского руководства не осталось другого выбора, кроме взятия на себя обязательств, от которых отказались домовладельцы³².

Попытки снабжения запасами стройматериалов потерпели неудачу, так же как это происходило на протяжении почти всего предыдущего десятилетия. Рост количества новых завершённых жилищных строек составил только половину прироста уровня населения в период между 1906 и 1915 гг., когда строительство окончательно прекратилось³³. Городские газеты ссылались на новый показатель — эффективное использование пространства, посвящая статьи обнаружению скрытых резервов застроенных площадей и регулярно сообщая о том, что 1500 квартир пустовали, в то время как москвичи отчаянно нуждались в крове³⁴.

Экономика военного времени как социальное отчуждение

Воздействие экономических преобразований военного времени на практики городской повседневной жизни можно было почувствовать почти сразу. Даже до того как летом 1914 г. Министерство финансов официально приостановило конверсию рублей в золото, слухи о надвигающемся решении спровоцировали шквал паники среди москвичей. «Утро России» сообщало о тревожном предчувствии «денежной публики», которая устремилась в банки и с лихорадочной поспешностью начала снимать со своих счетов свободные принадлежавшие ей суммы³⁵. К 23 июля, за 2 дня до официального приостановления конверсии, по предположениям газет, более 36,4 млн руб. были сняты со счетов в городских банках и большая часть их была отправлена за границу. Общественная паника по поводу ценности денег не отступила даже после того, как приостановление было официально принято. В отсутствие понятной меры стоимости местные финансовые кризисы множились, что имело последствия не только для имперской финансовой политики, но и для социального опыта экономической жизни. 24 августа 1915 г. в течение всего нескольких часов тысячи клиентов собрались у московского отделения Государственного банка в надежде поменять свои бумажные купюры на монеты. К концу дня отделение исчерпало все свои запасы монет³⁶. Ни большие поставки из Петрограда, ни приказ местной полиции, разрешающий обмены в местных отделениях, не смогли нормализовать ситуацию, которая разрешилась только после того, как банк установил верхний предел по обмену бумажных купюр на монеты на уровне

5 рублей. В свою очередь, углубляющийся кризис мелкого обмена привел к дальнейшей дестабилизации привычного использования денег. Для того чтобы как-то уладить проблему обмена, осенью 1915 г. местные заведения начали выпуск собственных валют, которые могли быть использованы только в выпустившем их магазине или кафе³⁷. Борясь с нарастающей проблемой инфляции, владельцы обычно требовали, чтобы такие «магазинные деньги» использовались в установленный, ограниченный период времени. Таким образом, отчуждение денег в Москве во время войны носило разнообразный характер. Не только ценность денег государственного выпуска стала носить все более местный характер, но и физические свойства денег тоже начали меняться, от монет к бумажным купюрам и от единой бумажной валюты, с водяными знаками и портретами царя, к различному набору бумаг, у которых отсутствовали базовые атрибуты денег в привычном понимании москвичей — универсальной обмениваемости, надежной длительной стоимости и защиты от подделки, поддерживаемой государством.

Экономический беспорядок военного времени также вытолкнул москвичей на незнакомую социальную территорию, в ситуации, не регулируемые сводами имперских законов или поведенческими нормами мирного времени. Конфликтный потенциал скрывался как раз под внешней оболочкой этих новых, нерегулируемых явлений, например «хвостов», как стали называться длинные очереди, ползущие вверх и вниз по городским улицам³⁸. Феномен стояния в очередях появился вскоре после начала войны, но, как отмечали обозреватели, хвосты стали повсеместным явлением в Москве только в 1916 г., когда были ужесточены ограничения на продажу продуктов первой необходимости и были введены продовольственные карточки на хлеб и сахар. К весне стали замечаться рост цен на продукты и первое появление «хвостов»³⁹. Хвосты были новшеством, поскольку, как вспоминал в своих мемуарах глава московской полиции при Временном правительстве, они собирали незнакомцев вместе на улицах, где они иногда стояли часами, и разговор естественным образом обращался к последним событиям⁴⁰. Это не культура кофеен, но очереди за хлебом стали местом, где незнакомцы могли собираться, общаться и вырабатывать новые правила поведения для незнакомых им социальных проблем. В холодную погоду могли ли стоящие снаружи в очереди согреться в ближайших кафе и потом ожидать, что их

место в очереди все еще будет за ними, когда они вернутся? Согласно Никите Окуневу, проблема посещений уборной была решена положительно общим консенсусом. Однако вопрос о коротких перерывах для того, чтобы согреться, так и остался без решения⁴¹. Периодически потенциал насилия, скрытый в этих незнакомых «действиях продажи и покупки», прорывался наружу. Продовольственные бунты неоднократно случались в Москве, даже до того как появились хвосты. Требования бунтовщиков выявляли не только недовольство высокими ценами, но и ощущение, что тщательно калиброванное равновесие между покупателями и продавцами было нарушено. В июле 1915-го протестующие женщины на московском Таганском рынке требовали от продавцов снижения цен на молодой картофель ровно на один рубль, а в январе 1916 г., согласно переписке между руководителем полиции Е. К. Климовичем и МВД, планировался бунт возле Прохоровской фабрики, который был бы направлен против тех торговых заведений в районе, у которых, как считалось, были самые завышенные цены⁴².

Наиболее взрывной московский бунт во время войны изначально был направлен против немецких торговцев, проживающих в городе, но в течение нескольких дней в мае 1915 г. он распространился на большую часть центра города. После объявления войны Москву, как и другие места, охватила волна патриотизма, выражавшаяся в народных демонстрациях, которые, в целом, поддерживали городские власти⁴³. В Москве, однако, в среде большого сообщества этнически русских торговцев начало военных действий также дало толчок развитию феномена, который Эрик Лор назвал «динамической экономической националистической программой». В большей степени, чем их коллеги в других городах, московские торговые организации считали слишком мягкими меры, принятые кабинетом министров в отношении предприятий, которые находились в собственности немцев. Основываясь на этом убеждении, осенью 1914 г. они опубликовали брошюру, которая призывала потребителей избегать немецких магазинов, а также приводила список имен и домашних адресов собственников «немецких и австрийских фирм»⁴⁴. Кроме того, торговцы нашли поддержку у недавно назначенного военного начальника города, князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, известного своей германофобией⁴⁵. Следуя приказам Петрограда в начале войны, город интернировал всех подданных Германии и Австрии мужского

пола в возрасте от 17 до 45 лет, в общем примерно 3000 человек, чья собственность была конфискована и выставлена на аукцион⁴⁶. Однако после вступления в должность Юсупов начал собственную кампанию борьбы с немецким «засильем», организовав выселение оставшихся подданных Германии, преимущественно женщин и людей старшего возраста, которых переселили в район на берегу реки Яузы, как в гетто⁴⁷. Городские газеты публиковали имена выселенных ежедневно, и, хотя руководство в Петрограде приостановило выселение, как только узнало о нем, Юсупов получил выговор за действия без необходимой санкции МВД, а не за притеснение мирных граждан⁴⁸.

За несколько недель до бунта слухи о коварных немецких заговорах против жителей распространились по Москве, как раз когда потери на Галицийском фронте росли и волна раненых прибыла в город. «Слухи были преувеличены», — сообщал И. Жилкин несколькими месяцами позже в «Вестнике Европы», упоминая рассказы о заминированных мостах через реку Москву и яде, вылитом в фабричные колодцы. Такие выдумки, как отмечал Жилкин, часто появляются в моменты поражений. Они обычно возникают и не приводят ни к каким последствиям, уступив под влиянием «более спокойных и вдумчивых людей. Кому будет выгодно взрывать московские мосты? Сказал бы скептик...». Но в мае 1915 г. скептики не высказали своего мнения, и вместо этого слухи распространялись⁴⁹. На самом деле Жилкин сам пал жертвой заговорщического варианта этого менталитета, хотя он и затруднялся найти ему объяснение. Жилкин заключил, что даже в этом случае слухи бы не пошли дальше разговоров, если бы какая-то организация не вмешалась в дело. Он писал, что несомненно «кто-то преднамеренно распространяет [слухи] и подливает масла в огонь». Этим «кем-то», как предполагал Жилкин, повторяя общее сложившееся мнение в то время, был сам режим⁵⁰.

26 мая группа солдатских жен не получила их обычной швейной сдельной работы на благотворительной акции, проходившей под покровительством сестры императрицы недалеко от Кремля. Толпа собралась и, как описывал Жилкин, события быстро приняли драматический оборот. Сначала говорили, что сестра императрицы сама подъехала на машине и высокомерно заявила, что для них работы нет. Другие сообщали, что сестра императрицы насмехалась над женщинами в связи с российскими потерями в Галиции⁵¹. Солдатки пожаловались князю Юсупову, который пообещал изучить дело

и отправил их по домам. Однако в тот же день приблизительно 1500 рабочих собрались на другом берегу Москвы в Замоскворечье, чтобы потребовать исключения работников из Эльзаса из их рядов ввиду распространяющихся слухов об отравлении колодцев на ближайших фабриках. В обоих случаях полиция, которая считала протесты патриотическими (и в любом случае согласно последнему приказу не имела права использовать оружия против демонстрантов), не вмешивалась.

На следующий день события приобрели насильственный характер, когда толпа, состоящая примерно из 10 тысяч человек, вернулась к фабрикам в Замоскворечье, схватила одного из руководителей, шведа Карлсена, протасила его к реке, где забила его камнями и утопила на глазах у его дочери, которую также избили, несмотря на усилия полиции. Вскоре после этого на соседней фабрике были убиты четыре женщины, родственницы немецкого менеджера, которого уже изгнали⁵². На следующее утро, 28 мая, большая толпа с флагами и портретами царя собралась на Красной площади и пела патриотические песни. Изначально полиция опять посчитала, что мероприятие носило организованный и принципиальный характер с целью демонстрации патриотизма, и не вмешивалась. Но вскоре после обеда ситуация неожиданно изменилась. Группы людей отправились в направлении Китай-города и заполнили верхние торговые ряды, в итоге направившись на Тверскую улицу, главную артерию города⁵³. Люди заполнили улицы, лавина «штанов, пиджаков и пальто упала из окон» ближайшего здания. Как писал Жилкин, он последовал за массой в сторону австрийской фирмы Манделя, которая была быстро захвачена толпой, сотнями рук разбивающей окна, и дымилась, как будто охваченная огнем⁵⁴. Мечущийся по Кузнецкому мосту, Петровке, Неглинной вихрь разрушения вскоре охватил весь город, захватывая каждый попадавшийся на пути магазин с иностранным названием на вывеске⁵⁵. Испуганные владельцы магазинов стояли у дверей, пытаясь показать бумаги и документы и сдержать толпу, в чем они только частично преуспели⁵⁶. По словам руководителя местной охраны Мартынова, глава полиции Адрианов шел вместе с толпой, убеждая ее обойти вниманием те магазины, которые, по его утверждению, принадлежали евреям, а не немцам. Юсупов же, по сообщениям, также посетил место действия вскоре после обеда, посчитал его патриотической демонстрацией и удалился, махая бунтовщикам по дороге⁵⁷. Ближе

к вечеру Джунковский прибыл из Петрограда как раз вовремя, чтобы принять участие в экстренном заседании Московской думы, посвященном необходимости вмешательства, на котором было, наконец, принято решение разрешить полиции открывать огонь по толпе, вступившее в силу немедленно⁵⁸.

Последовавшее расследование оценило материальный ущерб приблизительно в 70 млн руб., который понесли 113 немцев, 489 русских с именами, похожими на иностранные, и 90 русских с русскими именами. 8 человек было убито во время бунта и еще больше ранено. Тем не менее странным образом в последующих обсуждениях произошедшего внимание сконцентрировалось на возмущающем обращении с материальными ценностями во время событий, а не на людях, пострадавших от насилия⁵⁹. В статье в «Вестнике Европы», опубликованной через несколько месяцев после событий, Жилкин даже не упомянул убийства немецкого руководителя фабрики и женщин в Замоскворечье. В то же время он описал материальные разрушения в мельчайших подробностях, не упуская случая перечислить каждый предмет, который он видел вылетающим из витрин магазинов: «торты, коробки и банки» из Эйнема, производителя кондитерских изделий; «пианино, граммофоны» из магазина музыкальных инструментов Мюллера; «галуши, ленты» из магазина в Камергерском; «кровати, шкафы, стулья, диваны, зеркала» из витрин на Газетном; «простыни, связки полотен, цветные ткани» из многоэтажного магазина Циндель на Кузнецком мосту, эпицентре погрома, и из ближайших мастерских⁶⁰.

Одержимость Жилкина разрушением материальных ценностей отражала более широкую обеспокоенность из-за распада во время бунта социальных норм, регулирующих отношение к товарам и собственности. Эту тревогу разделяли и другие наблюдатели. С. С. Ольденбург отмечал с удивлением в своем дневнике, что в этот день с украденными вещами на улицах можно было увидеть даже хорошо одетых людей⁶¹. Жилкин, также озабоченный слабеющими хозяйственными нравами, пытался преуменьшить значение мародерства и подчеркнуть в свою очередь приверженность толпы к контролю за теми, кто ворует. Группы «хулиганов» настолько сознавали некорректность своих поступков, что они пытались скрыть добычу, надев три или четыре пары брюк из магазинов. Толпа стаскивала с них штаны и пиджаки и добавляла к этому несколько ударов. По словам

Жилкина, некоторые «грабители» заблаговременно «садились и снимали штаны» сами. Жилкин подчеркивал, что многое было разрушено, но не разграблено. Наиболее грустным в зрелище вылетающих из витрин галош, по его мнению, было не то, что множество красивых пар унесли домой, а то, что обувь разрезали ножницами, которые каким-то случайным образом нашлись у людей в толпе⁶².

Москва начала войну, по словам Николая Астрова, как «объединяющий центр для всех городов России». Однако к началу Февральской революции, как писал один солдат своей семье, она стала «не только центром всей России, но и центром нашего унижения, спекуляции, наглости и мошенничества»⁶³. Цены неумолимо росли по мере того, как война затягивалась. Однако, как демонстрирует письмо солдата, проблема высоких цен и дефицита заключалась не только в затратах, к которым они приводили, и даже не в провалах управления, которые они отражали, а в беспорядочном социальном опыте, постыдном и ложном, который эти хозяйственные недостатки тыла создавали. «Мне ужасно представить себе, что тебе придется переносить такие мучения в поисках квартиры», — продолжал он⁶⁴. В новых условиях тотальной войны управление хозяйственными ресурсами приобрело чрезвычайную политическую важность для всех воюющих сторон, но, возможно, в наибольшей степени это относится к Российской империи, где государство так ревностно оберегало свою монополию на власть и где даже существование полугосударственных органов для облегчения экономического руководства воспринималось как подрыв этой монополии. Глубокие социальные потрясения, порожденные войной (передвижения миллионов беженцев, солдат, бюрократов, вырванных из их привычной среды, привычных практик производства и потребления и оказавшихся в незнакомых хозяйственных условиях), также перенесли хозяйственную жизнь из области обычного, принятого, повседневного в сферу особого значения. Хотя географически Москва была далеко от фронта, к началу Февральской революции под воздействием миграций и дефицита ее хозяйственная среда обитания с каждым днем становилась для жителей все менее знакомой, менее понятной и менее надежной.

При рассмотрении преобразований города, которые ему предстояло пройти зимой 1916/17 г., в центре внимания обычно находятся хозяйственные последствия для городского пространства, вызванные новыми институтами, политикой и подходами нового режима.

Однако уже сама война, до того как городской политический фасад разрушился, создала новый хозяйственный ландшафт в Москве, наполненный незнакомыми принципами коммуникации и экономических практик. Эта новая хозяйственная среда была на самом деле «клумбой», на которой выросли новые революционные институты. В значительной степени она предшествовала политическим преобразованиям, а не следовала за ними. Вместо того чтобы анализировать, какие материальные объекты и практики создали революционные субъекты, мы при рассмотрении истории Москвы после Февраля будем проследживать те виды субъектов, коммуникации и институтов, которые создал московский ландшафт.

Москва во время революции

Жизнь не могла ждать.

Вечером 27 февраля, незадолго до того как междугородная связь прервалась, подтверждения о Петроградских волнениях достигли Москвы по телефонным линиям. «Что делается на белом свете: на войне, в Петрограде и даже в Москве, — писал москвич Никита Окунев в своем дневнике, — строго говоря, никому правдиво не известно»⁶⁵. Этой ночью военный комендант Москвы И. И. Мрозовский запретил публикации телеграмм из Петрограда. В то же время прогрессивные группы, представители общественных организаций, студенты и рабочие собрались в здании думы и сформировали два новых института: Комитет московских общественных организаций, или КОО, под руководством думского депутата Н. М. Кишкина и Временный революционный комитет, который состоял из рабочих и студентов и позже стал Московским советом⁶⁶. На следующее утро студенты обвесили думу красными флагами, в то время как офицеры, солдаты из гарнизонов и рабочие заполнили площадь для того, чтобы услышать «декларации», в спешке подготовленные новыми властными институтами, и предаться праздничной атмосфере. Опоры старого режима разрушались с удивительной стремительностью. Глава московской охраны Мартынов исчез 28 февраля (вернувшись через две недели с весьма расплывчатым объяснением своего отсутствия). На следующий день глава полиции В. Н. Шебеко и его заместитель незаметно выскользнули из своих офисов на Тверском бульваре,

переодевшись в гражданскую одежду. Они направились на квартиру сестры Шебеко, откуда позвонили Мрозовскому для того, чтобы сообщить о своей отставке⁶⁷. На фоне такого поведения вышестоящих многие полицейские также покинули свое место службы, оставив участки открытыми, с оружием в свободном доступе. А. Н. Вознесенский, который стал главой полиции летом 1917 г., позже оценил, что более 6 тыс. ружей и 400 револьверов пропало из полицейских участков в первые дни марта, в то время как полиция бездействовала⁶⁸. Тем временем можно было наблюдать, как уже вооруженные группы студентов вели целые «конвои» полицейских к думе⁶⁹.

«Праздник революции», как назвал его Вознесенский, продолжался чуть более недели, в течение которой зеваки посещали роскошные квартиры недавно арестованных имперских руководителей, толпы поджигали здания, хранящие документы охранки, и были открыты Бутырская и Таганская тюрьмы, освобождая несколько сотен политических заключенных и более тысячи уголовных преступников. 6 марта рабочие фабрик, которые бастовали всю неделю, вернулись на работу, и Москва приступила к возрождению административного механизма⁷⁰. Как отмечал с удивлением Вознесенский, он и его коллеги не имели возможности медлить в попытках «привести в порядок полицейские помещения и документы, пострадавшие от толпы». Жители завалили городские ведомства запросами. «Жизнь, — объяснял Вознесенский, — не могла ждать. Толпы народа осаждали реформированные участки. Кого только там не было! Праздные люди ходили без конца, наводя справки о продовольствии, о карточках на хлеб и сахар, а также о днях мясопустных. Комиссары составили наспех протоколы о грабежах, пожарах, кражах и скандалах, доносах и кляузах»⁷¹.

Парадокс революции был очевиден: нужда в государстве росла как раз тогда, когда официальные институты разрушались. Во время войны москвичи привыкли ожидать активного вмешательства государства в новые сферы, такие как снабжение продовольствием, а также в значительно большей степени в старые области, такие как контроль за порядком. В этом смысле они следовали принципам, отмеченным исследователями других обществ военного времени: во время войны люди, находящиеся в движении или же каким-либо другим способом выбитые из знакомых практик повседневной жизни, более склонны рассчитывать на государство в обеспечении базовых элементов

их благосостояния⁷². Война, как отмечал Ян Гросс, сама по себе в какой-то мере революция, перестраивающая социальные отношения и изменяющая баланс сил между обществом и государством. Но что если одновременно со спровоцированным войной поворотом к государству само это государство разрушается под ударами политической революции, которая ставит под сомнение его самые базовые принципы? Именно это случилось в Российской империи в 1917 г. В качестве ключевого узла империи в движении и центра политической жизни Москва была особенно удачно расположена для того, чтобы стать свидетелем расцвета институтов, которые возникли в результате столкновения резко возросших ожиданий в отношении вмешательства государства с разрушением существующих институтов. После Февральской революции в Москве заседали не один, а три городских совета (по одному для рабочих, солдат и крестьян), неполная городская дума, а также Комитет общественных организаций (КОО). Все эти институты должны были заниматься муниципальной политикой и управлением. На уровне округов существовало 44 районных думы и 12 районных советов⁷³.

Резкий рост количества институтов свидетельствовал не о возрождении управления, а о глубине его коллапса. По словам Вознесенского, лето 1917 г. сопровождалось колоссальным ростом уровней насилия и коррупции. Преступность, которая разрослась в отсутствие надежных полицейских сил, была одной из проблем. Множились «притоны темных развлечений», «клубы потребителей кокаина» и «секретные рестораны с цыганскими хорами». После закрытия полицией в одном месте они моментально открывались в другом при поддержке коррумпированных районных властей⁷⁴. Однако сложности в разделении официального и неофициального были более фундаментальной проблемой. По мнению А. И. Верховского, который стал командующим Московского военного округа летом, неприемлемое и унижительное поведение проходивших через город солдат, которые усиливали беспорядок в городе уже своим присутствием, создавало особенные трудности для общества⁷⁵. В письмах Верховскому москвичи жаловались, что солдаты бродят по улицам в любое время суток и катаются на лодках по рекам во время рабочего дня. Многих видели крадущими в форме. Другие открыто продавали свой паек (который они получали не по порядку, проходя вперед очереди благодаря своему военному статусу) тем же самым людям, которые

стояли за ними⁷⁶. Полиция была не в лучшем состоянии. Когда директор московского отделения Государственного банка пришел к главе полиции Вознесенскому для того, чтобы обсудить безопасность кремлевских золотых резервов в случае дальнейших беспорядков, оба руководителя согласились, что нынешним охранникам доверять нельзя и что надежных полицейских нет. По мере того как официальные институты государства, особенно его инструменты силы, теряли свои «зубы», они также теряли свои отличительные черты — становилось все труднее найти отличия между полицейским и вором. «Такова была судьба умирающего правительства, — вспоминал Вознесенский, — что оно не могло сформировать надежную охрану для своей казны»⁷⁷.

Параллельно возникли альтернативные инструменты власти, поддержанные москвичами из всех слоев общества, желающими принять участие в революции и отчаянно ищущими поддержки своей повседневной жизни. Многие такие институты занимались администрированием хозяйственных нужд и были организованы по сфере деятельности или на рабочем месте: вдобавок к уже хорошо известным фабричным комитетам и профессиональным союзам сформировались профессии, у которых ранее не было своего публичного голоса, включая дворников (которые встречались в театре Зимина), воров и проституток (которые устраивали встречи в цирке Никитиных)⁷⁸. Однако, пожалуй, наиболее распространенная форма городской организации опиралась на районы и их структурный блок — жилой многоквартирный дом. Летом 1917 г. домовые комитеты формировались в городах по всей империи, опираясь на инструкции, опубликованные в случае Москвы местными юристами⁷⁹. По словам В. В. Руднева, Московская городская дума собиралась использовать домовые комитеты в качестве «капиллярной системы» муниципальных сетей распределения, которые снабжали бы население едой, топливом и даже обувью⁸⁰. В реальности же большинство домовых комитетов существовало для того, чтобы компенсировать недостатки официальных сетей распределения, организуя частные закупки необходимых товаров для эксплуатации зданий и потребления жителей. Комитеты заведовали вывозом мусора, уборкой улиц и ночными патрулями по дому и двору, которые звонили в колокола и кричали, если замечали что-либо подозрительное⁸¹.

Москва часто оказывается на обочине героических нарративов об Октябре, так как ее опыт большевистской революции был менее решительным и, в целом, более беспорядочным, чем у Петрограда. Под руководством В. П. Ногина, председателя Московского совета до революции, московские большевики предпочитали более тесное сотрудничество с меньшевиками, чем того желал Ленин. По утверждениям, Ногин был подавлен, когда социалисты-революционеры и меньшевики покинули заседание советского исполнительного комитета (исполкома), на котором он зачитал первый полный отчет о событиях в Петрограде⁸². Ногин получил «озабоченные телеграммы большевиков... из столицы, которые пытались придать ему решительности»⁸³. 27 октября разразилась уличная драка, когда Военно-революционный комитет уступил контроль над Кремлем юнкерам, которые 28 октября арестовали уже самого Ногина. События начали развиваться в пользу большевиков только 30 октября, когда Военно-революционный комитет начал контрнаступление, которое через 3 дня привело к возвращению Кремля⁸⁴.

Проблема переноса петроградской революции в новые условия и взаимосвязь этого вопроса с задачами политического контроля оказалась трудной даже в недалеко расположенной Москве. В течение 6 месяцев после Октябрьской революции до прибытия петроградских большевиков в Москву в марте 1918 г., когда они объявили ее столицей новой Советской республики, город пережил собственный процесс революционных преобразований. С институциональной точки зрения Москва сохранила три отдельных совета, одновременно также создав Совет народных комиссаров, который включал, в частности, комиссаров продовольствия, почты, театра и даже иностранных дел. Последний пост занял товарищ Фрихе, который выступал от имени города во взаимоотношениях с иностранными организациями как минимум до середины марта 1918 г., то есть также на протяжении нескольких недель после того как прибыло центральное правительство⁸⁵. М. И. Рогов стал комиссаром по гражданской части. Его комиссариат расположился в кабинетах бывшего градоначальства⁸⁶. «Комиссия Рогова», как ее называли, стала вялым ответом Москвы на «комиссию Дзержинского», Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК), в Петрограде. Москва сформировала официальные представительства ЧК только в феврале 1918 г. в ответ на радиogramму из Петрограда, и даже тогда только по инициативе нескольких районных советов⁸⁷. В период между октябрем 1917 г. и апрелем 1918 г.

Московский совет возложил ответственность за муниципальное руководство на «Совет районных дум» и его исполнительное бюро, которым руководил большевик М. Ф. Владимирский. Как и их коллеги в центральном правительстве, большинство московских муниципальных работников объявили забастовку после Октябрьской революции, значительно облегчив работу Владимирского и процесс распространения большевистской власти на городское управление. Без забастовки, как позже писал Владимирский, большевики никогда бы не смогли захватить городской управленческий аппарат настолько полноценно, заполнив кабинеты новыми, хоть и неподготовленными, кадрами, готовыми работать на новый режим⁸⁸.

Московский совет также объявил свои собственные революционные программы, отличные от тех, что реализовывались в Петрограде. Наиболее известным был амбициозный проект по муниципализации обширных сегментов городской инфраструктуры, включая несколько дюжин фабрик (за 8 месяцев до аналогичного решения в масштабах всей республики) и все жилые дома, в которых собранная арендная плата составляла более 750 рублей в месяц, что затронуло примерно половину зданий в городе, в которых проживало две трети его жителей. Муниципализация застроенного пространства, объявленная 12 декабря, только отдаленно была связана с дореволюционными большевистскими программами⁸⁹. Ленин говорил о перераспределении квартир за несколько недель до Октябрьского восстания. Однако, помимо этого, упоминания муниципализация недвижимости встречались в программах социалистической партии редко⁹⁰. Реальным результатом муниципализации, возможно подготовленной инвестициями военного времени, возложивших ответственность за субсидии на топливо и эксплуатацию зданий на город без направления доходов в городскую казну, стала просто передача арендной платы от домовладельцев городу. Принятая мера не упоминала физического перераспределения. Однако она быстро и убедительно утвердила город в роли некоего поставщика пространства, усиливая неуверенность в отношении права частной собственности на здания, которое впервые появилось годом ранее, когда домовладельцы начали отказываться от выполнения своих традиционных обязанностей по обслуживанию зданий. Эти элементы программы нашли яркое выражение через 3 месяца, когда прибыла первая делегация из Петрограда и начала искать место для центрального правительства.